

18+ Николай В. Нелидов

Белая тень

Николай В. Нелидов

Белая тень

«Издательские решения»

Нелидов Н.

Белая тень / Н. Нелидов — «Издательские решения»,

Он жил один. Контролировал всё. Говорил с кошкой. А потом кошка заговорила с ним. «Я — твоё одиночество», — сказала она. «И я не уйду». Мистический триллер о тишине, которая обретает плоть.

© Нелидов Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Она не спала	6
Глава 2. Два острова	9
Глава 3. Аборигены	13
Глава 4. Счастливые дикари	16
Глава 5. Тишина за стеклом	20
Глава 6. Сломанная шестерёнка	23
Глава 7. Контракт у моря	27
Глава 8. Чрево авиалайнера	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Белая тень

Николай В. Нелидов

Моей звездочке

Дизайнер обложки автор

© Николай В. Нелидов, 2026

© автор, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-3293-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Она не спала

Владимир Платонов проснулся за пять минут до будильника. Так было всегда. Организм знал время лучше любых часов — пружина, которая срабатывает сама, без завода.

Но в это утро что-то было не так.

Он понял это ещё до того, как открыл глаза. Тишина. Не та, к которой он привык за пятнадцать лет в этой квартире: ровная, размеренная, расчерченная тиканьем кварцевых часов на тумбочке — «тик-так, тик-так» — на равные, предсказуемые отрезки. Это была другая тишина. Плотная. Густая. Как вата в ушах после концерта. Как будто кто-то накрыл комнату одеялом и придавил края.

Он открыл глаза.

Потолок был белым, без единой трещины. Свет — серым, московским, безжалостным. Часы на тумбочке тикали. Всё как всегда. Но ощущение неправильности не уходило. Оно сидело где-то под рёбрами, у самого сердца, и пульсировало — медленно, в такт этому чужому тиканью.

Он повернул голову.

Лира сидела на подоконнике.

Она сидела не по-кошачьи — не свернувшись клубком, не развалившись, не уронив голову на лапы. Она сидела выпрямившись. Спина — идеально прямая, позвонок к позвонку. Хвост — обёрнут вокруг лап, неподвижный, как у статуи. Уши — развёрнуты наружу, как локаторы, ловящие сигнал из другой комнаты. И она смотрела на него.

Не мигая.

Владимир лежал неподвижно. Долгие секунды — он не считал их — они просто смотрели друг на друга. Её глаза были зелёными, с золотыми искорками. Холодными и ясными. В них не было ни сонливости, ни любопытства, ни привычного кошачьего равнодушия. Было что-то другое. Что-то, чему он не мог найти названия. Как будто она ждала, когда он задаст вопрос. Или как будто она уже задала его — и ждала ответа.

Он сел на кровати. Пружины скрипнули. Этот звук — обычный, бытовой — показался ему оглушительным.

— Лира?

Она не мякнула. Не шевельнулась. Только зрачки — тонкие, как иголки, — чуть расширились. Следя за ним. Как объектив камеры, который наводит фокус.

Он потянулся к телефону. 6:45. Выключил ещё не зазвонивший будильник — ритуал, которому следовал лет десять, чтобы не «злить» телефон преждевременной активностью. Но сегодня жест был механическим. Пальцы знали, что делать. Голова была занята другим.

Он встал. Ноги коснулись прохладного пола — подогрев он отключал на ночь, предпочитая спать в прохладе. Обошёл кровать. Подошёл к подоконнику.

Лира не двинулась. Только её зрачки — чуть-чуть — расширились ещё сильнее, следя за его приближением.

— Что с тобой? — спросил он тихо.

Она моргнула. Один раз. Медленно. Так моргают не кошки. Так моргают люди, когда хотят сказать что-то, но не могут найти слов.

У Владимира по спине пробежал холодок. Не от сквозняка. От этого взгляда. От того, как она смотрела — не на него, а чуть выше. Туда, где лоб встречается с линией волос. Он не знал, что она там искала. Но её взгляд был слишком внимательным для простого взгляда.

— Лира, — повторил он.

Она отвернулась. Медленно, с достоинством. И снова уставилась в окно — на серый, мокрый город, который просыпался внизу. На стеклянно-бетонные башни. На ленту проспекта. На дальний парк, похожий на зелёное пятно плесени на бетонной поверхности.

Владимир опустил руку. Он не знал, что сказать. Он просто стоял и смотрел на белую кошку, которая сидела на его подоконнике так, как будто это было её место. И впервые за три года он почувствовал, что в квартире он не один.

Он прошёл на кухню. Кофемолка La Pavoni загудела — низко, басовито, перемалывая восемнадцать граммов эфиопских зёрен сорта Worka Wuri. Запах — мандариново-шоколадный, маслянистый, плотный — заполнил кухню, как вода заполняет ванну. Владимир отвешивал зёрна на антикварных ювелирных весах. Он делал всё как всегда. Нажимал кнопки. Проверял давление. Прогревал чашку от Villeroy & Boch.

Но руки дрожали.

Он поставил чашку с эспрессо на стол. Сделал глоток. Идеально. Баланс кислотности, сладости и горькой ноты, за который он платил бешеные деньги. Всё было идеально.

Но он не чувствовал вкуса. Кофе был горячим, но пустым. Как вода. Как воздух. Как всё в это утро.

Он вернулся в комнату. Лира всё ещё сидела на подоконнике. Не двигалась. Не смотрела на него. Просто смотрела в окно — туда, где за бетонными коробками занимался серый, безжалостный рассвет.

Владимир подошёл к ней. Ближе, чем обычно. Он не касался её — просто стоял рядом, глядя на ту же точку, что и она. На город. На башни. На проспект. На парк, похожий на плесень. — Что ты там видишь? — спросил он.

Она не ответила. Но он поклялся — потом, много позже, вспоминая это утро, — что в её глазах мелькнуло что-то. Не понимание. Не узнавание. Предупреждение. Как у собаки, которая слышит звук, недоступный человеческому уху. Как у часового, который видит врага задолго до того, как тот появится на горизонте.

Он отступил. Взял чашку. Сел за стол.

И только тогда заметил: на подоконнике, там, где сидела Лира, остался след. Не отпечаток лапы. Не шерсть. Вмятина. Глубокая. Как будто кто-то — не кошка — сидел здесь раньше. Кто-то, кто был больше. Кто-то, кто оставил после себя не пыль, а память. Вмятина была такой чёткой, такой правильной, что казалась оттиском — как будто кто-то специально прижал здесь форму, чтобы оставить след. Чтобы он нашёл. Чтобы он знал.

Владимир моргнул. Вмятина исчезла.

Он посмотрел на Лиру. Она смотрела на него. И в её глазах была улыбка. Не насмешка. Не торжество. Что-то более древнее. Как у того, кто уже видел финал — и не спешит его рассказать.

— Кто ты? — прошептал он.

Лира моргнула. Один раз. Медленно. Как будто говорила: «Ты узнаешь. Но не сейчас».

Он пошёл в кабинет. Ему нужно было работать. Он сел за стол. Включил мониторы — два Apple, откалиброванных под цветопередачу промышленных чертежей. И потянулся к книге — той самой, Танит Ли, «Не кусайте солнце», которую перечитывал раз в год. Он всегда ставил её на вторую полку сверху, между «Тёмными началами» Пулмана и сборником рассказов Брэдли. Она стояла там годами. Он знал это, потому что сам расставлял книги — по алфавиту и жанрам, как и всё в своей жизни.

Сейчас она лежала на столе.

Открытая. На середине.

Владимир замер. Он не открывал эту книгу вчера. Он не брал её с полки. Он вообще не заходил в кабинет после возвращения из «Бриза» — только утром, чтобы включить мониторы.

Он подошёл к столу. Между страницами лежала фотография.

Старая. Чёрно-белая. С заломами на углах. Такие делали в девяностых — плёночные, с белой рамкой, на которой выцветшими чернилами было написано что-то неразборчивое. Владимир повернул её к свету. На рамке была дата. Год. Он не помнил этого года. Не помнил, чтобы такая фотография у него была.

Он взял её в руки.

На фотографии был он. Молодой. Лет двадцати пяти. В куртке, которую он не помнил. На фоне стены, которую он не узнавал. Рядом с ним — женщина. Лица не видно: она стояла вполоборота, и свет падал так, что черты расплывались. Но её волосы — длинные, светлые — он узнал бы из тысячи.

Это была Лира.

Не кошка. Не существо из леса. Женщина. С теми же зелёными глазами, которые смотрели прямо в объектив. С той же улыбкой — едва заметной, одними губами. Той самой улыбкой, которую он только что видел на кошачьей морде.

Владимир перевернул фотографию.

На обратной стороне — почерк. Не его. Женский. Размашистый, с сильным наклоном вправо. Чернила выцвели, но слова читались:

«Ты ещё не знаешь. Но ты вспомнишь. — Л.»

Он смотрел на эту надпись долго. Слишком долго. Его руки дрожали. В голове было пусто — ни мыслей, ни вопросов, ни страха. Только одна фраза, которая стучала в висках, как второй пульс:

Этого не может быть.

Он не знал эту женщину. Он никогда не был с ней на этой стене. Он не помнил ни этой куртки, ни этого дня, ни этого света. Но он узнал её. Сразу. Без сомнений. Так узнают людей, которых видели во сне — много раз, но не могут вспомнить, когда именно.

— Лира? — позвал он.

Из гостиной не донеслось ни звука.

Он вышел из кабинета.

Кошка исчезла.

Подоконник был пуст. Только вмятина — та самая, глубокая, странная — снова проступила на поверхности. И рядом с ней, на белом пластике, лежал белый волос. Длинный. Тонкий. Человеческий.

Владимир поднял его. Посмотрел на свет. Волос был почти прозрачным. Серебряным. И он был тёплым. Как будто его только что держали в руке. Как будто кто-то оставил его здесь — для него. Чтобы он нашёл. Чтобы он знал.

И тогда, в это серое московское утро, в своей стерильной квартире на двадцать втором этаже, он понял, что его жизнь — та самая, которую он выстраивал годами, кирпичик за кирпичиком, ритуал за ритуалом, — кончилась.

Он не знал, что будет дальше.

Он знал только одно: она была здесь. И она ждала.

За окном занимался рассвет. День начинался. Начинался так же, как все предыдущие дни.

И это его больше не устраивало.

Глава 2. Два острова

В десять ноль-ноль он наконец приступил к работе. Владимир не признавал работы за кухонным столом или на диване. У работы было своё место — строго фиксированное. Он включил два монитора Apple, откалиброванных под цветопередачу промышленных чертежей. Клавиатура Magic Keyboard с низким профилем — почти беззвучная. Как и всё в этой квартире.

Фотография лежала в верхнем ящике стола.

Он не знал, зачем положил её туда. Мог бы выбросить. Мог бы сжечь. Но вместо этого открыл ящик, положил фотографию поверх стопки старых визиток и закрыл. Как будто прятал. Как будто боялся, что кто-то увидит.

Рядом, на неиспользуемом коврик для мыши, устраивалась Лира. Она свернулась плотным белым тором. Сегодня её дыхание было частым — как будто она видела сон, от которого не могла проснуться. Как будто бежала куда-то во сне. Владимир смотрел на неё несколько секунд. Потом заставил себя отвернуться. Работа.

Он был переводчиком. Не поэзии, не романов — он переводил техническую документацию к промышленным станкам с ЧПУ, мануалы к медицинскому оборудованию, патенты на химические составы. Мир, в котором слова были сталью, а конструкции — сплавами. Здесь не было места метафорам. Только точные термины, однозначные формулировки и железобетонная логика. Мир, который он понимал. Мир, который не задавал вопросов.

Несмотря на эпоху всеобщего помешательства на искусственном интеллекте, Владимир был востребован. ИИ-переводчики сыпали ошибками: путали «фланец» с «фалангой», не отличали «сварной шов» от «пайки». Владимир же знал не только термины — он знал физику процесса. Знал, как работает станок. Знал, почему нельзя заменить один сплав другим. За это ему и платили. За это его и ценили.

Он открыл файл. Очередной патент на технически сложный электронный агрегат. Скучно, но деньги хорошие. Он начал переводить. Слова ложились ровно. Как всегда.

Через сорок минут он поймал себя на том, что смотрит не в монитор, а на стену.

Ту самую. За которой утром плакала соседка.

Он не слышал плача с тех пор. Тишина. Обычная, стерильная тишина его квартиры. Но теперь он знал, что она там. За стеной. Женщина с блендером. Женщина, которая плачет по утрам, когда думает, что никто не слышит. Он никогда не задумывался о ней. Она была частью фона — как вентиляция, как тиканье часов, как вид из окна. Он знал, что она существует, но не знал её. Не знал её имени. Не знал, как она выглядит. Теперь он знал одно: она плачет.

Он отогнал мысль. Работа. Термины. Формулы.

«Интегрированный модуль синхронизации векторов вращения». По-русски это значит «штука, которая следит, чтобы всё крутилось вместе». Но так написать нельзя. Нужна наукообразная шелуха. Потому что за это платят. За шелуху.

Он откинулся на стуле. Посмотрел на Лиру.

— Вот, послушай, — сказал он, обращаясь к белому шару на коврике. — «Интегрированный модуль синхронизации векторов вращения». А есть же просто слово «разъём». Зачем им это?

Лира приоткрыла один глаз. Посмотрела на него. И снова закрыла. Её молчание было красноречивее любых слов. Но сегодня её молчание было другим. Не пустым. Наполненным. Как будто она ждала, что он скажет что-то ещё. Что-то, что он сам боялся произнести.

Он посмотрел на ящик стола. На тот, где лежала фотография.

— Я не буду её доставать, — сказал он вслух.

Лира открыла оба глаза. Посмотрела на него. И — он готов был поклясться — усмехнулась. Едва заметно. Одними губами. Как человек, который знает, что ты соврёшь. И ждёт этого. Он отвернулся. Сердце билось чаще, чем должно было. Работа.

В 13:15 он сделал перерыв. Второй за день.

Он прошёл на кухню, налил в миску воды для Леры — той же дорогой фильтрованной воды, которую пил сам. Водопроводная, по его мнению, оставляла на шерсти белесые пятна. Он замечал их. Они его раздражали. Лира прыгнула с коврика, подошла к миске, сделала три глотка и ушла на подоконник.

Взошло солнце. На подоконнике образовался косой луч света — идеально подходящий для лежания. Она прыгнула, уселась. И снова — как вчера, как неделю назад, как три года подряд — уставилась вниз, на проспект.

Владимир смотрел на неё. Он вдруг понял, что за те три года, что она живёт с ним, он ни разу не видел её испуганной. Он видел её сонной, настороженной, любопытной. Но испуганной — никогда. Даже когда падала книга или гремела гроза, она не вздрагивала. Она просто смотрела. Как будто знала, что всё это — неважно. Как будто знала что-то, чего не знал он.

А сегодня утром — когда он нашёл фотографию — она исчезла. Ушла. Спряталась. Как будто знала, что он найдёт. Как будто ждала этого.

— Что ты знаешь? — спросил он.

Лира не обернулась. Она смотрела вниз — на машины, на людей, на серый, шумный, враждебный мир. И в этом взгляде не было ни капли отвращения или любопытства. Был просто анализ. Она наблюдала за движением машин так же, как он наблюдал за терминами — как за системой, которую нужно понять, чтобы предсказать её следующее действие. Как за механизмом, у которого есть свои законы. Свои правила. Свои трещины.

Владимир подошёл к окну. Встал рядом с ней. Посмотрел на город.

И тогда он увидел.

Внизу, у подъезда, стояла женщина.

Она была одета в длинное белое пальто. На голове — платок, такой же белый, почти прозрачный. Она стояла неподвижно, лицом к его дому, и смотрела вверх. Прямо на его окно. Прямо на него.

Владимир отпрянул.

Посмотрел снова.

Женщины не было.

Он смотрел на пустой тротуар ещё минуту. Потом повернулся к Лере.

Она смотрела на него. И в её глазах — он готов был поклясться — опять была та самая улыбка. Та самая, которую он видел утром. Одними губами. Как у человека, который знает что-то, чего не знаешь ты. И ждёт.

Где-то в глубине квартиры, в стене, что-то шевельнулось.

Не мышь. Не ветер. Вдох. Медленный. Глубокий. Как будто бетон, из которого был построен дом, на секунду стал лёгкими. Владимир почувствовал это не ушами — кожей. Как холодок. Как чужое прикосновение. Как будто кто-то — или что-то — дышало внутри стены. Внутри его дома. Внутри его жизни.

Он замер.

Лира прыгнула с подоконника. Подошла к нему. Села у его ног. И — впервые за три года — мяукнула. Протяжно. Тихо. Как будто говорила: «Ты слышишь. Хорошо. Теперь слушай внимательнее».

Он опустил на колени. Посмотрел на неё.

— Что это? — прошептал он.

Она моргнула. Один раз. Медленно. И посмотрела на стену — ту самую, за которой плакала соседка.

Владимир повернул голову. Посмотрел на стену. Ничего. Обои. Плинтус. Розетка, в которую был включён торшер. Обычная стена. Как все стены в этой квартире. Как все стены в его жизни.

Но он знал. Теперь он знал. Что-то было там. За стеной. В стене. В нём.

Он вернулся за стол. Сел. Открыл файл. Посмотрел на экран. Слова расплывались. Как будто их размыло водой. Как будто они были написаны на стекле, за которым шёл дождь.

Он открыл ящик. Достал фотографию.

Он смотрел на неё долго. На себя — молодого, двадцатипятилетнего. На женщину — с белыми волосами, с зелёными глазами. На стену за их спинами — серую, бетонную, с трещиной в правом углу. Он не узнавал эту стену. Он не помнил этого дня. Он не помнил эту куртку.

Но он помнил её запах.

Не запах конкретно — ощущение. Тёплое. Как солнечная шерсть. Как сухие травы. Как что-то, что было рядом всю жизнь, но ты не замечал, потому что оно было слишком близко. Как воздух. Как тишина. Как всё, что не замечаешь, пока не потеряешь.

Он перевернул фотографию. Посмотрел на надпись.

«Ты ещё не знаешь. Но ты вспомнишь. — Л.»

— Я не помню, — сказал он вслух.

И тогда — в тишине квартиры — он услышал голос.

Не снаружи. Внутри. Голос был тихим. Женским. Знакомым. Как будто говорила не одна женщина, а многие — сразу, в один голос. Как будто говорила сама тишина.

«Вспомнишь. Когда будешь готов».

Владимир уронил фотографию. Отшатнулся. Сердце колотилось. В горле пересохло. Он посмотрел на Лиру.

Она сидела в дверном проёме. Смотрела на него. И в её глазах — тех самых, зелёных — не было ни кошачьего, ни человеческого. Было что-то третье. Древнее. Как земля. Как небо. Как тишина, которая была здесь до того, как он сюда пришёл. Как тишина, которая будет здесь после того, как он уйдёт.

— Это ты, — прошептал он. — Это ты сказала.

Лира моргнула. Один раз. Медленно.

И вышла из комнаты.

Он просидел за столом ещё час. Работа не шла. Слова расплывались. Он смотрел на фотографию. Потом убрал её в ящик. Закрыв. Встал.

Время было — 17:45. Скоро нужно было идти в «Бриз». В кафе. Его вторая гостиная. Место, где он сидел с книгой, пил кофе и наблюдал за людьми, не участвуя в их жизни. Сегодня он не хотел туда идти. Сегодня ему казалось, что стены его квартиры — единственное безопасное место. Что за дверью — другое. Что там, на улице, его ждёт что-то, чего он не поймёт. Что-то, что уже началось. Что-то, что он не может остановить.

Но он знал: если он не выйдет, он сдастся. А он не мог этого допустить. Он был человеком, который всегда доводил дела до конца. Который всегда контролировал. Который всегда знал, что будет дальше.

Он надел пальто. Взял ключи. Проверил, что выключил свет в ванной. И вышел.

В лифте было зеркало. Он посмотрел на своё отражение: серые глаза, безупречно выбритый подбородок, лёгкая тень усталости под глазами. Он был доволен собой. День прошёл по плану. Клиент прислал благодарность за «филигранную точность» перевода. Что ещё нужно для счастья?

Но сегодня зеркало показало другое.

На секунду — всего на секунду — ему показалось, что в отражении, за его спиной, стоит женщина. С белыми волосами. С зелёными глазами. Она смотрела на него. И улыбалась. Той самой улыбкой — едва заметной, одними губами.

Он резко обернулся.

Никого.

Лифт остановился. Двери открылись. Владимир вышел на улицу.

Было сыро. Мегаполис в это время года — смесь мокрого асфальта, выхлопных газов и резкого воздуха, который оседает на лёгких тонким слоем сажи. Владимир шёл по привычному маршруту: направо от подъезда, мимо круглосуточного супермаркета «Ближний» с его ярким, большим светом, через сквер с футуристичными фонарями, до кафе «Бриз» на углу соседней улицы.

По дороге он смотрел на людей. На женщину с ребёнком. На старика с собакой. На парня в наушниках. Обычные люди. Обычная жизнь. Но сегодня он видел другое. Он видел, как старик остановился и посмотрел на пустую скамейку. Как женщина с ребёнком на секунду замерла, глядя в никуда. Как парень в наушниках снял один наушник и прислушался — к чему-то, чего не было слышно.

Они чувствовали. Все они. Что-то. Что-то, что было рядом. Что-то, что шевельнулось в толще города — так же, как в его квартире. Что-то, что ждало. Что-то, что уже началось.

Владимир ускорил шаг. Он почти дошёл до «Бриза». Уже видел свет за витриной, уже слышал приглушённый гул голосов, уже чувствовал тот самый запах — кофе, старая бумага, корица. Но сегодня к этому запаху примешивалось что-то ещё. Горькое. Тревожное. Как йод. Как предчувствие.

Он остановился у двери. Внутри былолюдно. Обычные люди. Обычный вечер. Но что-то было не так. Что-то, что он не мог назвать. Что-то, что он не мог увидеть. Но что он чувствовал. Всем телом. Всей кожей. Как приближение грозы.

Он толкнул дверь.

Глава 3. Аборигены

Ирина была у стойки — как всегда. Женщина лет пятидесяти, с короткими седыми волосами и руками, которые всегда пахли тестом и маслом. Она не улыбалась, но в её взгляде было тепло — то самое, которое он не мог получить ни от клиентов, ни от соседей. Тепло, которое ничего не требовало. Которое просто было.

Но сегодня в этом взгляде было что-то новое. Настороженность. Как будто она ждала его — и боялась того, что он принесёт с собой. Как будто она знала что-то, чего не знал он.

— Как дела, Владимир? — спросила она, ставя перед ним чашку с дымящимся эспрессо. Тарелки с морковным тортом не было.

— Нормально. Работа работается.

— А кошечка дома?

— Дома. Ждёт.

Ирина кивнула. Но не отошла. Она стояла и смотрела на него. Как будто хотела что-то сказать. Как будто боялась.

— Владимир, — сказала она наконец. — У вас всё в порядке? Дома?

— Да. А что?

— Нет, ничего. Просто... — Она замаялась. — Сегодня утром, когда я открывала кафе, мне показалось, что кто-то стоит у вашего подъезда. Женщина. В белом пальто. Она смотрела на ваш дом. Долго. Я подумала — может, это ваша знакомая? Она не зашла. Просто постояла и ушла. В сторону сквера.

Владимир замер.

— В белом пальто? — переспросил он.

— Да. Странная такая. Волосы светлые, почти белые. И глаза... — Ирина замолчала, как будто вспоминала. — Глаза зелёные. Яркие. Я такие только у кошек и видела.

Владимир почувствовал, как холодеют пальцы.

— Я её не знаю, — сказал он.

Ирина кивнула. Но в её взгляде было недоверие.

— Ладно, — сказала она. — Если что — вы знаете, где меня найти.

Она отошла. Владимир остался один. У своего столика у окна.

Он смотрел на чашку с эспрессо. Пар поднимался, закручиваясь в тугие спирали. Он не пил. Он думал.

Женщина в белом пальто. Она была здесь. У его дома. Утром. Когда он нашёл фотографию. Когда он услышал голос. Когда стена вздохнула. Она следила за ним. Или ждала его. Или что-то другое. Что-то, чего он не понимал.

Он поднял взгляд. Посмотрел в окно.

На противоположной стороне улицы, под фонарём, никого не было.

Он выдохнул. Взял чашку. Сделал глоток.

Кофе был горьким. Не так, как обычно. По-другому. Как будто в него добавили что-то. Что-то, чего он не мог назвать.

Он вынул книгу. Танит Ли, «Не кусайте солнце». Потрёпанный бумажный переплёт, который он перечитывал раз в год. Открыл на той самой странице, где утром лежала фотография.

Фотографии не было.

Он перелистнул. Ещё раз. Пролистал всю книгу. Ничего. Только текст. Только Танит Ли, которую он знал наизусть. Но он точно помнил: утром фотография была здесь. А потом он убрал её в ящик. В свой рабочий стол. Он сам. Своими руками. И всё же сейчас — открывая

книгу здесь, в кафе, — он не мог избавиться от чувства, что фотография должна быть здесь. Что она не могла исчезнуть. Что она должна быть здесь. Сейчас. С ним.

Он посмотрел на Ирину. Она стояла за стойкой и смотрела на него. В её взгляде было что-то новое. Не тепло. Настороженность.

— Вы что-то ищете? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Ничего.

Он закрыл книгу. Посмотрел в окно.

На противоположной стороне улицы, под фонарём, стояла женщина в белом пальто. Она смотрела прямо на него. И улыбалась. Той самой улыбкой — едва заметной, одними губами.

Владимир замер.

Через миг видение пропало.

Он снова открыл книгу. На этот раз — на случайной странице. И замер.

Между страницами лежала визитка.

Плотный картон. С тиснением. Имя. Номер телефона. Адрес электронной почты.

Он не помнил, чтобы клал её сюда. Он вообще не помнил эту визитку. Но он узнал её. Это была та самая визитка, которую женщина-архитектор оставила ему год назад. Тогда он не взял её. Он оставил её на столе, под чашкой. Он точно помнил: он её не брал.

Но она была здесь.

Он перевернул визитку.

На обратной стороне — почерк. Не его. Женский. Размашистый, с сильным наклоном вправо.

«Ты ещё не знаешь. Но ты вспомнишь. — Л.»

Владимир уронил визитку.

Это невозможно.

Он не брал визитку. Он не писал на ней. Но он узнал её почерк. Так узнают людей, которых видели во сне. Так узнают голоса, которые слышали давно. Так узнают лица, которые никогда не видели — но помнишь. Помнишь всем телом. Всей кожей. Всем, что было до тебя.

Он поднял визитку. Посмотрел на имя.

Ольга Смирнова.

Он не знал эту женщину. Но имя было знакомым. Как будто он слышал его раньше. Как будто оно было частью его. Частью, которую он забыл. Частью, которую он потерял. Частью, которую он запер — и забыл, что запер.

Он сунул визитку в карман. Закрыл книгу. Отодвинул чашку.

И тогда он услышал.

Плач.

Не из-за стены. Из книги.

Он открыл книгу. Пролистал. Ничего. Но плач не прекратился. Он шёл из визитки. Из кармана. Из имени, которое он только что прочитал.

Ольга Смирнова.

Он встал. Положил деньги на стол — больше, чем нужно. Вышел на улицу.

Было темно. Владимир посмотрел на место, где только что стояла женщина в белом пальто. Пусто. Только мокрый асфальт. Только тень от фонаря.

Он пошёл домой. Быстрее, чем обычно. Не оглядываясь.

Но он чувствовал. Спиной. Затылком. Кожей. Что она смотрит. Что она идёт следом. Что она ждёт.

Когда он вошёл в квартиру, Лира сидела у двери. Ждала. В её глазах — он готов был поклясться — была улыбка. Та самая. Одними губами. Как у человека, который знает что-то, чего не знаешь ты. И ждёт, когда ты догадаешься сам.

— Это ты, — сказал он. — Ты была там. В кафе. На улице. В лифте.
Лира не ответила. Она просто смотрела на него. Долго. Слишком долго.
И тогда он услышал.
Где-то в стене что-то шевельнулось. На этот раз — он был уверен — это был смех.

Глава 4. Счастливые дикари

Визитка жгла карман.

Владимир чувствовал её всю дорогу — пока спускался в метро, пока ехал, пока поднимался по эскалатору. Тонкий прямоугольник картона, который не должен был ничего весить, давил на бедро, как свинцовая пластина. Он трогал её через ткань пальто — проверял, на месте ли. И каждый раз, когда касался, чувствовал тепло. Не своё. Чужое. Как будто визитка жила своей жизнью. Как будто она ждала.

Он не должен был ехать к Артёму. Не сегодня. Не с этим. Но он ехал. Потому что если бы он остался дома, если бы сел за стол и посмотрел на стену, он бы услышал. А он не хотел слышать. Не сейчас. Не тогда, когда в кармане лежит имя женщины, которую он не помнил, но которая — он знал — помнила его.

Артём жил на другом конце города. Обычная панельная девятиэтажка, обычный двор с качелями, обычный подъезд с запахом сырости и кошачьего корма. Владимир знал этот подъезд с детства. Они с Артёмом выросли здесь — гоняли мяч, разбивали коленки, не могли поделить один велосипед на двоих. Тогда двор казался ему большим. Теперь — маленьким. Клеткой. Такой же, как его собственная квартира.

Он позвонил. Дверь открылась почти сразу — как будто его ждали.

— Вовка! — Артём стоял на пороге с бутылкой грузинского вина в одной руке и пакетом пельменей в другой. Лицо покраснелось от мороза. — Наконец-то! Вернулся с райских островов, а мы тебе скромный ужин принесли, чтоб не скучал по русской кухне! Ты как? Загорел? А то выглядишь каким-то... — он замялся, подбирая слово, — бледным.

— Всё нормально, Тём, — сказал Владимир, закрывая дверь.

Он смотрел на Артёма — на его румяное, живое лицо, на улыбку, на то, как он стоит на пороге, не боясь ничего. Артём был другим. Живым. Как будто аномалия, которая заползла в квартиру Владимира, не коснувшись этого места. Как будто здесь, в этом подъезде с запахом сырости и кошачьего корма, всё было по-прежнему.

— Проходи, — сказал Артём. — Катя уже накрывает.

Владимир вошёл. Снял пальто. Повесил на крючок — аккуратно, ровно, как всегда. Но сегодня он поймал себя на том, что прислушивается. К стенам. К полу. К воздуху. Он ждал услышать вдох. Как в своей квартире. Как в машине. Как в стене у Артёма.

Ничего.

Пока — ничего.

Катя вышла из кухни с тарелкой в руках. Женщина с мягким лицом и усталой, но доброй улыбкой. Она была единственным человеком, которого Владимир не боялся. Её слова были простыми, искренними, без подтекста. Она не пыталась его «воспитывать» или «спасти», как делала Ольга. Она просто принимала его таким, какой он есть.

— Привет, Володь, — сказала она, ставя тарелку на стол. — Как ты? Мы волновались.

— Всё нормально. Работал.

Катя посмотрела на него. Долго. Пристально. И в её взгляде было что-то, чего он не видел раньше. Не тревога. Не любопытство. Знание.

— Ты изменился, — сказала она просто.

Владимир замер.

— В смысле?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Ты всегда был... закрытым. А сейчас — как будто что-то открылось. Или открывают. Я не могу объяснить.

Она отвернулась и пошла на кухню. Владимир остался стоять в прихожей. Визитка в кармане пульсировала. Тёплая. Живая. Как второе сердце.

Дети были в комнате. Алиса, шесть лет, и Егор, пять. Они сидели на полу среди разбросанных кубиков и пластилина. Когда Владимир вошёл, оба замерли. Уставились на него. Как на инопланетянина.

— Дядя Вова, — сказала Алиса. — А у тебя есть дети?

— Нет.

— А жена?

— Нет.

— Но кошка же есть? — вступил в разговор Егор, сжимая в руке пластмассового динозавра.

— Есть.

— А она умеет говорить? — спросила Алиса.

Владимир замер. Он вспомнил утро. Голос в голове. «Вспомнишь. Когда будешь готов».

— Нет, — сказал он. — Но иногда кажется, что понимает.

Алиса наклонила голову набок. Посмотрела на него очень внимательно. Так смотрят дети, которые видят больше, чем взрослые. Так смотрят дети, которые ещё не разучились видеть.

— А почему у неё глаза зелёные? — спросила она.

Владимир похолодел.

— Откуда ты знаешь, какие у неё глаза?

— Ты сам сказал, — ответила Алиса. — В прошлый раз. Когда приезжал. Ты сказал, что у неё глаза зелёные, как у ведьмы.

Владимир не помнил этого. Он совсем не помнил, чтобы говорил такое. Но Алиса смотрела на него без улыбки. И он понял: она не шутит.

— Я не говорил такого, — сказал он тихо.

— Говорил, — настаивала Алиса. — Я помню. Ты сказал: «У неё глаза зелёные, как у ведьмы. И она смотрит, как будто знает».

В комнате стало тихо. Егор перестал играть. Катя, стоявшая в дверях, смотрела на Владимира. Артём — тоже.

— Вов, ты чего? — спросил Артём. — Ты чего побледнел?

Владимир не ответил. Он смотрел на Алису. На её светлые косички. На её глаза. И в этих глазах — он готов был поклясться — было что-то. Что-то, что знало больше, чем должно было знать шестилетнему ребёнку. Что-то, что помнило. Что-то, что ждало.

— Я не говорил такого, — повторил он.

Алиса не ответила. Она просто смотрела на него. Долго. Как будто ждала, когда он поймёт. Когда он вспомнит. Когда он признает.

Обед прошёл в напряжённой тишине.

Владимир не чувствовал этого. Он сидел на краю дивана и слушал. Не разговор. Стены. Он ждал вдоха. Ждал, что бетон за его спиной шевельнётся. Но стены молчали. Пока.

— Вов, — сказал Артём, наливая себе вино. — Ты какой-то не такой. Что случилось?

— Ничего. Устал.

— Устал он. — Артём хмыкнул. — Ты всегда устал. Ты двадцать лет устал. Но сейчас — по-другому. Как будто ты не здесь.

— Я не знаю, — сказал Владимир. — Но ты не здесь. Я тебя знаю с детства. Ты всегда был... странным. Но сейчас — страннее, чем обычно.

Катя, сидевшая напротив, опустила вилку.

— Артём, — сказала она тихо. — Не надо.

— Что не надо? — Артём посмотрел на неё. — Я же вижу. Ты тоже видишь. Ты сказала, что он изменился. Я это чувствую. Как будто он привёз что-то с этих своих островов. Что-то, что не должно быть здесь.

Владимир почувствовал, как визитка в кармане нагревается. Сильнее, чем раньше. Как будто она слышала. Как будто она знала. Как будто она ждала этого.

— Я не привозил ничего, — сказал он.

— А кто сказал, что привозил? — Артём посмотрел на него в упор. — Я сказал, что чувствую. Как будто что-то приехало с тобой. Не в чемодане. В тебе.

Катя встала из-за стола. Подошла к окну.

— Знаешь, что я тебе скажу, Володь, — сказала она, не оборачиваясь. — Я вчера видела сон. Станный. Как будто я стою в твоей квартире. Только она другая. Пустая. И в углу сидит женщина. С белыми волосами. С зелёными глазами. Она смотрит на меня и говорит: «Скажи ему, чтобы он не боялся».

Владимир замер.

— Что? — переспросил он.

— Я не знаю, — сказала Катя, поворачиваясь к нему. — Я не знаю, кто это. Я не знаю, почему мне это приснилось. Но я видела её. Отчётливо. Как тебя сейчас.

Артём смотрел на жену. Потом на Владимира.

— Кать, ты чего? — спросил он. — Какой сон? При чём тут Вовка?

— Я не знаю, — повторила Катя. — Но я чувствую, что это важно.

Владимир опустил взгляд. Посмотрел на свои руки. Они дрожали. Визитка в кармане пульсировала. Тёплая. Живая. Как второе сердце. Как третье. Как что-то, что было рядом всю жизнь — и ждало.

После обеда дети убежали в комнату. Артём ушёл на кухню — мыть посуду, потому что Катя всегда мыла, а он всегда помогал, даже если не умел. Владимир остался один в гостиной.

Он сидел на диване. Смотрел на стену. На ту самую, за которой была комната детей. Обычная стена. Обои с рисунком. Плинтус. Розетка. И тогда он услышал.

Вдох.

Не из-за стены. Из стены. Как в его квартире. Как в его жизни. Как в его теле. Он встал. Подошёл к стене. Приложил ладонь. Обои были шершавыми. Тёплыми. Живыми.

— Ты здесь, — прошептал он.

Стена выдохнула.

Он отшатнулся. Посмотрел на детей. Они играли. Они не слышали. Они не знали. Он посмотрел на Катю. Она стояла в дверях кухни. Смотрела на него. И в её глазах — он готов был поклясться — было понимание.

— Ты это слышал? — спросила она тихо.

— Да.

— Оно здесь, — сказала она. — Оно везде. Оно с тобой.

Он ушёл через час.

Дети помахали ему на прощание. Алиса — очень внимательно посмотрела на него. Егор — просто улыбнулся. Артём — хлопнул по плечу. Катя — обняла. Коротко. Но тепло.

— Приезжай ещё, Володь, — сказала она. — Мы всегда рады.

Он кивнул. Вышел. Закрыв дверь. Постоял в подъезде. Слушал, как за стеной снова закричали дети. Как Артём что-то сказал. Как Катя засмеялась. Потом он услышал это снова.

Вдох.

На этот раз — из подъезда. Из стен. Из пола. Из всего. Он побежал. Дома его встретила тишина. Лира не сидела у двери. Не ждала. Он не нашёл её в комнате. Не нашёл на подоконнике. Только визитка — на столе. Лицом вверх. И имя — «Ольга Смирнова» — само проступило темнее. Как будто кто-то обвёл его. Только что. Только для него.

Владимир взял визитку. Посмотрел на неё. Потом — на стену. На ту самую. За которой дышало.

— Где она? — спросил он.

Стена молчала.

Он подошёл. Приложил ладонь. Холодная. Обычная. Но под ладонью — он чувствовал — билось. Медленно. Как второе сердце. Как третье. Как что-то, что было рядом всю жизнь.

— Где Лира? — повторил он.

И тогда — в тишине квартиры, в сером свете вечера — он услышал голос. Не снаружи. Внутри. Голос был тихим. Женским. Знакомым. Не Лир. Другой. Как будто говорила сама тишина. Как будто говорила стена. Как будто говорила та, которую он забыл.

«Она ушла. Туда, куда ты не можешь пойти. Пока».

— Куда?

«Туда, где ты её оставил. Туда, где ты оставил меня. Туда, где ты оставил всех».

Владимир закрыл глаза. Прислонился спиной к стене. Почувствовал дыхание. Тепло. Жизнь.

— Что там?

«Ты узнаешь. Скоро. Очень скоро».

Голос затих. Он открыл глаза. Посмотрел на визитку. На имя. Ольга Смирнова. Он не знал эту женщину. Но теперь он знал одно: она ждала. И Лира — тоже.

Глава 5. Тишина за стеклом

Он не помнил, в какой момент проснулся.

Просто открыл глаза — и вокруг была абсолютная, вакуумная темнота. Не та полумгла, которая царит в спальне, когда за окном горят уличные фонари, а именно темнота, плотная, как одеяло, накинутое на голову. Ни единого лучика. Он моргнул. Привычным движением протянул руку к тумбочке, нащупал смартфон. Нажал на кнопку «Домой». Экран вспыхнул, обжигая глаза холодным белым светом. 3:17.

Владимир сел на кровати. Поёжился. В квартире было прохладно — он никогда не включал отопление на полную мощность, предпочитая, чтобы воздух был чуть ниже комфортной температуры. Но сейчас этот холод казался другим. Не физическим, а внутренним, будто кто-то открыл форточку в его грудной клетке и запустил туда сквозняк. Как будто что-то выстудило его изнутри. Как будто что-то выпило тепло.

Он не знал, что его разбудило. Просто — щелчок. Как будто внутри его головы кто-то переключил тумблер. Как будто кто-то позвал его — без звука, без голоса, без слов. Просто позвал. И он проснулся.

Он опустил руку. И почувствовал.

Визитка.

Она лежала в кармане пальто, которое висело в прихожей. Но он чувствовал её. Сквозь стены. Сквозь расстояние. Она пульсировала. Медленно. Ровно. Как второе сердце. Как третье. Как что-то, что было рядом всю жизнь — и ждало.

Он повернул голову. И тут же увидел её.

Лира сидела на подоконнике.

Обычно в это время она спала. Либо в ногах у него, либо свернувшись на коврике у компьютерного стола. Но сейчас она сидела, выпрямившись, с идеально прямой спиной, и смотрела в темноту за стеклом. Её уши были слегка повёрнуты наружу, как локаторы. Хвост, обвивший её лапы, был неподвижен. Как у статуи. Как у часового. Как у того, кто ждёт.

Он смотрел на неё несколько секунд, не двигаясь. В темноте её белая шерсть не была белой — она была серебристо-серой, матовой, почти призрачной. Как лунный свет, сгустившийся до плотности меха. Как тень, которая обрела форму.

— Что ты там видишь? — прошептал он.

Лира не обернулась. Она продолжала смотреть в одну точку. За окном, внизу, ползли жёлтые огни такси. Напротив, в окнах такой же стеклянной башни, горели редкие квадратики — бодрствующие, как и он сам. Люди. Единицы. Такие же, как он, кто не мог уснуть, кто смотрел в ночь. Кто ждал.

Но Лира смотрела не на них. Она смотрела выше. Туда, где бетонные коробки встречались с серым, тяжёлым небом, на котором не было видно ни одной звезды. Город убивал звёзды своим светом. И всё же Лира смотрела именно туда, как будто видела то, чего не было. Как будто видела то, чего не должно было быть.

Где-то в стене что-то шевельнулось.

Владимир замер.

Не мышь. Не ветер. Вдох. Медленный. Глубокий. Но на этот раз — не один. Два. Один — в стене за его спиной. Второй — под полом. Как будто дом дышал в два такта. Как будто в нём было два сердца. Как визитка. Как он сам. Как всё, что было рядом.

Он опустил босые ноги на пол. Холодный паркет. Но сегодня пол был другим. Не холодным. Живым. Как будто под плиткой что-то шевелилось. Медленно. Ритмично. Дышало. Он встал. Пошёл к окну. Каждый шаг отдавался в полу — не звуком, а вибрацией. Как будто он

шёл не по паркету, а по коже чего-то большого. Чего-то, что спало. Или притворялось, что спит. Чего-то, что ждало.

Он остановился в полуметре от Леры. Смотрел на её спину, на её напряжённые плечи, на то, как её шерсть чуть приподнялась на холке — не от холода, а от напряжения. Как будто она чувствовала то же, что и он. Как будто она знала то же, что и он.

— Лира? — тихо спросил он.

Она медленно повернула голову. В отражении стекла их взгляды встретились: его — уставший, человеческий, полный неразрешимых вопросов; её — абсолютно ясный, лишённый сомнений. В её зрачках, расширившихся в темноте до состояния чёрных озёр, не было ни капли сна. Она не спала. Она ждала. Ждала его. Ждала этого момента.

— Мы оба здесь заперты, да? — сказал он.

Лира медленно, неотвратимо моргнула. И затем сделала нечто, чего он никогда не видел: она мягко, беззвучно ткнулась влажным носом в его ладонь, которую он держал на подоконнике. Её шерсть была ледяной. Но этот жест — короткий, редкий, почти интимный — заставил холодок пробежать по его спине. Не страх. Что-то другое. Предчувствие. Как будто она прощалась. Как будто она говорила: «Смотри. Запоминай. Это важно».

— Что там? — повторил он, глядя в ту же точку, что и она.

Тишина. Лира снова повернулась к окну. И в этот момент Владимир увидел то, что заставило его сердце пропустить удар.

На противоположной стеклянной башне, на уровне его этажа, в одном из окон вспыхнул свет. Не яркий, не ослепительный — просто жёлтый, тёплый квадрат, как будто кто-то включил ночник. Владимир замер. Но Лира смотрела именно на него. Её взгляд был прикован к этому окну. И в этом взгляде было что-то древнее. Что-то, что знало. Что-то, что ждало. Что-то, что помнило.

— Что там? — прошептал он.

Лира моргнула. Один раз. Медленно. И в этот момент он увидел.

В окне напротив, в жёлтом квадрате света, стояла фигура. Женщина. В белом пальто. С белыми волосами. Она стояла неподвижно, лицом к его дому, и смотрела прямо на него. Прямо в его окно. Прямо в его глаза. Как будто знала, что он смотрит. Как будто ждала, когда он посмотрит. Как будто хотела, чтобы он увидел.

Владимир отшатнулся. Он моргнул. Посмотрел снова. Женщина не исчезла. Она стояла. И — он готов был поклясться — улыбалась. Той самой улыбкой. Одними губами. Как будто говорила: «Я здесь. Я всегда здесь. Я жду».

Он потянулся к телефону. Хотел сфотографировать. Но когда он поднял телефон, экран погас. Не разрядился — просто выключился. Как будто кто-то выдернул его из реальности. Как будто кто-то не хотел, чтобы это было зафиксировано. Чтобы это было доказано. Чтобы это было запомнено — не им, а машиной.

Он нажал кнопку. Ничего. Он поднял взгляд. Женщина всё ещё стояла. И теперь он видел больше. Она была высокой. Стройной. Её белые волосы спадали на плечи, как снег. Её лицо было бледным — таким бледным, что казалось светящимся в темноте. И её глаза — он видел их даже на расстоянии — были зелёными. С золотыми искорками. Как у Леры. Как у той женщины на фотографии. Как у той, которую он забыл.

Он посмотрел на кошку. Лира смотрела на женщину. Они смотрели друг на друга. Через двадцать два этажа. Через стекло. Через ночь. Как будто разговаривали. Как будто знали друг друга. Как будто ждали этого момента — обе.

Он снова посмотрел на окно напротив. Свет погас. Женщина исчезла. Владимир стоял и смотрел. Его руки дрожали. Визитка в кармане пальто пульсировала. Сильнее, чем раньше. Как будто она знала. Как будто она ждала.

Лира прыгнула с подоконника. Подошла к нему. Села у его ног. И — впервые за три года — мякнула. Протяжно. Тихо. Как будто говорила: «Ты видел. Хорошо. Теперь знаешь».

Он не мог уснуть.

Он сидел на кухне. Свет не включал. Смотрел на стену. На ту самую, за которой утром плакала соседка. За которой дышало. Он слушал. Стена дышала. Медленно. Ровно. Как спящий зверь. Как что-то, что ждало. Он подошёл к стене. Приложил ладонь. Холодная. Обычная. Но под ладонью — он чувствовал — билось. Медленно. Как второе сердце. Как третье.

— Кто ты? — прошептал он.

Стена выдохнула.

Он отшатнулся. Посмотрел на Лиру. Она сидела на табурете. Смотрела на него. И в её глазах — он готов был поклясться — была улыбка. Та самая. Одними губами. Как будто говорила: «Ты знаешь. Ты всегда знал. Просто боялся признать».

— Ты знаешь, — сказал он. — Ты всё знаешь.

Лира не ответила. Она просто смотрела. Долго. Слишком долго. И тогда он услышал.

Тихо. Едва различимо. Но отчётливо. Как будто говорила сама тишина. Как будто говорила стена. Как будто говорила та, которую он забыл.

«Ты видел. Теперь ты знаешь. Она ждёт тебя. Она всегда ждала».

Владимир обернулся. Никого. Только Лира. Только стена. Только тишина. Но голос не исчез. Он остался. В нём. В его голове. В его теле. Как визитка. Как стена. Как второе сердце.

Он сел на пол. Прислонился спиной к стене. Закрыв глаза. И слушал. Стена дышала. Лира смотрела. Визитка пульсировала. А где-то там, за двадцать два этажа, за стеклом, за ночью, женщина в белом — он знал это — улыбалась. И ждала.

Он открыл глаза. Посмотрел на подоконник. Пусто. Лира ушла. Не в комнату. Из комнаты. Из квартиры. Дверь на балкон была открыта. Впервые за три года. И ветер — тёплый, влажный, чужой — входил в квартиру. Как гость. Как хозяин. Как то, что ждало.

Глава 6. Сломанная шестерёнка

Утро началось с тишины.

Не той, к которой он привык — структурированной, расчерченной тиканьем часов на равные отрезки. Другой. Плотной. Как будто кто-то выключил не только звук, но и воздух. Владимир открыл глаза в 6:45 — как всегда. Но будильник не зазвонил. Он посмотрел на телефон. Экран был чёрным. Не разряженным — выключенным. Как прошлой ночью. Как будто кто-то — или что-то — не хотел, чтобы он знал время. Как будто кто-то хотел, чтобы он проснулся сам.

Он нажал кнопку. Телефон включился. 6:45. Будильник должен был зазвонить сейчас. Но он не зазвонил. Он сел на кровати. Посмотрел на подоконник. Лира сидела спиной к нему. Смотрела в окно. На город. На серое, безжалостное московское утро. Как будто ничего не случилось. Как будто она не уходила. Как будто всё было как всегда.

— Ты что-то сделала с телефоном? — спросил он.

Она не обернулась. Только уши — чуть-чуть — повернулись в его сторону. Как локаторы. Как радары. Как то, что слышит больше, чем должен слышать.

Он встал. Прошёл на кухню. Подошёл к кофемашине — SMEG премиальной серии, монстр из нержавеющей стали. Он любил её. Она была надёжной. Она работала всегда. Как часы. Как его жизнь. Как всё, что он выстраивал годами.

Он нажал кнопку.

Ничего.

Он нажал ещё раз. Панель управления оставалась тёмной. Ни звука, ни шипения, ни даже тусклого свечения индикатора. Его кофемашина — та самая, что стояла как подержанный автомобиль, — просто не отвечала. Как будто кто-то выключил её изнутри. Как будто кто-то не хотел, чтобы он пил кофе. Как будто кто-то хотел, чтобы он остался без ритуала. Без защиты. Без брони.

Владимир замер. Он проверил провод: вилка была воткнута в розетку плотно. Он проверил щиток — все автоматы были включены. Ничего. Он нажал кнопку в третий раз. Ни-че-го.

— Не может быть, — сказал он. — Она работает безотказно. Я чистил её два дня назад. Проверял давление. Почему она не работает?

Он опустил руку. Посмотрел на розетку. Потом — на стену. Ту самую. За которой дышало. Стена молчала. Но он чувствовал её. Как будто она слушала. Как будто она ждала. Как будто она знала.

Где-то в глубине квартиры что-то шевельнулось.

Не вдох. Не выдох. Скрип. Как будто кто-то повернулся во сне. Как будто что-то проснулось. Владимир замер. Тишина. Но он знал. Что-то было. Что-то, что жило в стенах. И это что-то реагировало на его тревогу. Как будто питалось ею. Как будто ждало её. Как будто хотело её.

Он вернулся в комнату. Лира всё ещё сидела на подоконнике. Но теперь — он видел — её хвост дёргался. Медленно. Ритмично. Как маятник. Как метроном. Как отсчёт. Как что-то, что считает время. До чего-то. До чего-то, что должно было случиться.

— Это ты, — сказал он. — Ты её сломала.

Лира не ответила. Только хвост остановился. На секунду. Потом снова начал двигаться. Как будто говоря: «Нет. Не я. Но ты прав. Кто-то сломал. И это только начало».

Он достал телефон. Нашёл номер сервисного центра. Мастер сказал, что приедет через два часа.

Два часа без эспрессо. Два часа без привычного ритуала. Владимир глубоко вздохнул, закрыл глаза и медленно выдохнул. Он попытался работать, но без привычного запаха эфиопских зёрен его мозг не фокусировался. Он перечитывал один абзац пять раз. Слова расплывались. Как будто их размыло. Как будто они были написаны на стекле, за которым шёл дождь.

Но это было не главное. Главное было другое. Он слушал. Стены. Пол. Воздух. Он ждал — не звонка мастера, не кофе. Он ждал, что аномалия проявится снова. Что стена заговорит. Что женщина в белом появится. Но квартира молчала. Как будто затаилась. Как будто готовилась. Как будто ждала.

Звонок в дверь.

Владимир вздрогнул. Посмотрел на часы. 9:45. Мастер пришёл раньше. На пятнадцать минут. Он никогда не приходил раньше. Никто никогда не приходил раньше. Это было нарушением. Первым за сегодня. Вторым. Третьим. Как будто мир начал сдвигаться. Как будто правила менялись. Как будто что-то — или кто-то — торопило события.

Он открыл дверь. На пороге стоял мастер — мужчина лет сорока пяти, с седыми висками и лицом человека, который видел всё. Он держал в руках сумку с инструментами и смотрел на Владимира с лёгким удивлением. Как будто знал его. Как будто видел раньше. Как будто ждал этой встречи.

— Кофемашина? — спросил он, заходя в квартиру.

Он окинул взглядом идеально чистый пол, стерильный порядок и остановился взглядом на Лире. Лира сидела на своём табурете. Смотрела на мастера. Её взгляд был пристальным, холодно-внимательным. Как у того, кто оценивает. Как у того, кто знает. Мастер поёжился. Но не отвёл взгляд.

— Хорошая кошка, — сказал он медленно. — Смотрит как-то... строго.

— Она просто не любит гостей, — машинально ответил Владимир.

— Да? — Мастер не поверил. — А мне кажется, она знает меня. Хотя я её впервые вижу. Владимир замер.

— Что вы имеете в виду?

— Не знаю. — Мастер пожал плечами. — Просто ощущение. Как будто она ждала меня. Как будто знала, что я приду. Как будто я уже был здесь. Когда-то. Давно.

Он отвернулся. Прошёл на кухню. Подошёл к кофемашине. Пощёлкал кнопками. Достал мультиметр. Проверил питание, цепь, предохранитель. Его лицо на мгновение стало озадаченным. Как будто он увидел то, чего не ожидал. Как будто он увидел то, что не должен был видеть.

— Странно, — сказал он. — Всё подключено. Напряжение есть. Датчики на месте. Но она не включается. Как будто кто-то просто выключил её изнутри. Не механически, а программно. Прошивка слетела, что ли.

— Это возможно? — спросил Владимир.

— Теоретически — да. Но я никогда такого не видел. Обычно они ломаются физически, а тут... просто тишина. Как будто она умерла. Как будто кто-то убил её. Изнутри.

Он замолчал. Посмотрел на Лиру. Потом — на Владимира. Как будто хотел что-то сказать. Но не мог. Или не имел права. Или боялся.

— Дай-ка я попробую обновить прошивку через USB, — сказал он наконец.

Мастер достал кабель. Подключил ноутбук. И тогда это произошло.

Лира соскочила с табурета. Подошла к мастеру. Не мяукнула. Просто подошла и села в двух шагах от него. Глядя на его руки. Как будто наблюдала. Как будто ждала. Как будто знала, что сейчас что-то произойдёт. Мастер на мгновение отвлёкся. Посмотрел на неё. Улыбнулся:

— Ну что, кошка, будешь помогать?

Лира не ответила. Она просто смотрела. Но мастер отвлекся. Всего на секунду. И в ту же секунду его ноутбук издал резкий, короткий сигнал. На экране загорелась зелёная полоса. «Обновление успешно завершено».

Мастер удивлённо поднял брови. Как будто не верил. Как будто знал, что это невозможно. Как будто понимал, что что-то не так.

— Ну, я ничего не делал, — сказал он. — Она сама.

Он нажал кнопку на машине. Секунда тишины. Затем — знакомое, тёплое шипение. Индикаторы загорелись. SMEG ожила. Как будто ничего не было. Как будто она никогда не умирала. Мастер хмыкнул. Свернул ноутбук. Стал собирать инструменты.

— Случайность, но повезло. Всякое бывает. Такое чувство, будто у неё свой разум.

Владимир поблагодарил его. Проводил до двери. И когда дверь закрылась, он почувствовал, как его руки дрожат. Как будто он только что видел что-то, чего не должен был видеть. Как будто он только что узнал что-то, чего не должен был знать.

Он прошёл на кухню. Налил воду в резервуар. Засыпал зёрна. Нажал кнопку. Машина загудела. Он обернулся. Лира сидела на табурете. Её глаза были не зелёными — они были тёмно-кариыми, почти чёрными. И в них не было ни любопытства, ни скуки. Только спокойствие. Только знание. Только что-то, что ждало.

Владимир посмотрел на машину. Потом на неё. Он вдруг понял: она никогда не садилась на этот табурет, когда работал мастер. Но в этот раз — села. И машина включилась ровно в тот момент, когда она подошла. Как будто она знала. Как будто она ждала. Как будто она хотела, чтобы он это увидел. Чтобы он понял. Чтобы он запомнил.

— Это ты, — сказал он тихо. — Ты её включила.

Лира медленно моргнула. Она не подтвердила. Но и не отрицала. Как будто говорила: «А ты как думал?»

Он не стал пить кофе.

Он стоял на кухне. Смотрел на чашку. На дымящуюся жидкость. На идеальную пенку. На запах. Но он не пил. Потому что чувствовал. Что-то изменилось. Не в кофе. В нём. Как будто что-то сдвинулось. Как будто что-то треснуло. Как будто что-то начало рушиться.

Он подошёл к столу. Открыл ящик. Достал фотографию. Ту самую. Посмотрел на неё. На себя — молодого. На женщину — с белыми волосами. На стену за их спинами — серую, бетонную, с трещиной в правом углу. Трещина. Он раньше её не замечал. Но теперь — видел. Она была такой же, как трещина в его стене. В той, за которой дышало. В той, за которой жило что-то. В той, за которой ждало что-то.

Он посмотрел на стену. Приложил ладонь. Холодная. Обычная. Но под ладонью — он чувствовал — билось. Медленно. Как второе сердце. Как третье. Как что-то, что было рядом всю жизнь. — Ты здесь, — сказал он. — Ты всегда был здесь.

Стена выдохнула.

Он позвонил Ольге.

Сам не понял, как это произошло. Просто взял телефон. Нашёл номер. Тот самый, с визитки. Нажал «Вызов». Гудки. Один. Два. Три.

— Алло? — Голос был женским. Знакомым. Но не Ольги. Другой. Более глубокий. Более древний. Как будто говорила не одна женщина, а многие — сразу, в один голос. Как будто говорила сама тишина. Как будто говорила стена. — Владимир? Ты вспомнил?

Он замер.

— Кто это? — спросил он.

— Ты знаешь, — ответил голос. — Ты всегда знал. Просто боялся вспомнить.

— Я не знаю. Я не помню тебя.

— Помнишь, — сказал голос. — Помнишь стену. Помнишь трещину. Помнишь день, когда мы встретились. Ты просто запер это. Запер меня. Запер себя. Запер всё, что было до того, как ты стал собой.

— Кто ты?

Пауза. Долгая. Как будто голос выбирал слова. Как будто голос решал, стоит ли говорить. Как будто голос ждал этого момента очень давно. — Я — то, что ты оставил в стене, — сказал он наконец. — Я — то, что ты построил вместе со мной. Я — твоё одиночество. Но не Лира. Другое. То, что было до неё. То, что было всегда. То, что ты забыл.

— Что было до неё?

— Ольга, — сказал голос. — Ольга Смирнова. Ты знал её. Ты любил её. Ты забыл её. И она ушла в стену. Как все мы. Как всё, что ты забыл. Как всё, что ты запер.

Владимир уронил телефон. Он смотрел на стену. Приложил ладонь. И почувствовал — под ладонью, в бетоне, в глубине, за трещиной — что-то. Тёплое. Живое. Ждущее. Ольга. Он закрыл глаза. И вспомнил. Не всё. Фрагмент. Кусок. Как вспышка. Как удар. Как что-то, что прорвалось сквозь годы.

Он видел её. Молодую. С белыми волосами. С зелёными глазами. Она смеялась. Она держала его за руку. Она говорила: «Ты не бойся. Я всегда буду рядом. Даже когда уйду».

Он открыл глаза. Посмотрел на Лиру. Она смотрела на него. И в её глазах — он готов был поклясться — были слёзы. Не кошачьи. Человеческие. Как будто она знала. Как будто она помнила. Как будто она ждала этого момента — всю жизнь.

— Ты знала, — прошептал он.

Лира закрыла глаза. Долго. Очень долго. Потом открыла. И отвернулась.

Он остался один. С телефоном в руке. С именем «Ольга» на губах. С памятью, которая возвращалась — фрагментами, кусками, вспышками. Он не помнил её лица. Но помнил её запах. Тёплый. Как солнечная шерсть. Как сухие травы. Как что-то, что было рядом всю жизнь. Как что-то, что он потерял. Как что-то, что он забыл. Как что-то, что ждало.

Он знал этот запах. Но не знал, откуда.

Глава 7. Контракт у моря

Письмо пришло во вторник, в 14:23.

Владимир как раз заканчивал правку сложного технического документа на медицинский сканер, когда на экране всплыло уведомление. Он посмотрел на часы. 14:23. Не 14:22. Не 14:24. Ровно 14:23. Как будто отправитель знал, что он откроет письмо именно в эту минуту. Как будто ждал этого.

Он открыл.

Текст был сухим, деловым. Но в конце стояло предложение, от которого у Владимира на мгновение перехватило дыхание.

«Уважаемый Владимир Николаевич! В рамках нового контракта с сетью люксовых курортов мы готовы предложить вам командировку на остров Матаива сроком на две недели. Требуется перевести серию брошюр, а также „прочувствовать атмосферу“ для последующей адаптации текстов. Компания готова оплатить ваш перелёт, проживание на вилле и суточные. Пожалуйста, дайте ответ в течение трёх дней».

Владимир перечитал сообщение три раза. Матаива. Он знал этот остров только по картинкам в журналах — бирюзовая вода, белые бунгало на сваях, наклонившиеся к глади океана пальмы. Это была работа. Но работа, оплаченная клиентом, с полным пансионом. Работа, которая означала — он понял это сразу — перемену. Перемену во всём.

Он откинулся на спинку стула. Посмотрел на монитор. На экране сияла фотография лагуны. Вода была такого цвета, что казалась неестественной. Как будто её нарисовали одной бирюзовой краской и забыли добавить серые тона.

И тогда он заметил.

На фотографии, в правом нижнем углу, на белом песке, стояла фигура. Женщина. В белом пальто. С белыми волосами. Она не была частью пейзажа. Она не смотрела на океан. Она смотрела в камеру. На него. Как будто знала, что он будет смотреть. Как будто ждала.

Владимир приблизил изображение.

Фигура исчезла.

Он отшатнулся. Посмотрел на фотографию снова. Пустой песок. Только пальмы. Только океан. Только лагуна. Но он видел её. Отчётливо. Как видел в окне напротив. Как видел в лифте. Как видел на улице.

Он потянулся к телефону. Хотел позвонить клиенту. Спросить, кто отправлял это письмо. Что за компания. Почему именно он. Но телефон снова не включался. Экран был чёрным. Как прошлой ночью. Как будто кто-то не хотел, чтобы он задавал вопросы. Как будто кто-то хотел, чтобы он просто согласился.

Он положил телефон на стол. Посмотрел на стену. Приложил ладонь.

Стена молчала. Но он чувствовал — под ладонью, в глубине, за трещиной — что-то. Тёплое. Живое. Ждущее.

— Это ты, — прошептал он. — Ты отправила письмо.

Стена выдохнула.

Он ответил на письмо через час.

«Согласен. Готов вылететь через десять дней. Со мной будет кошка. Я займусь оформлением всех документов самостоятельно».

Он не знал, зачем он это написал. Он не знал, почему согласился. Но он знал одно: если он откажется, если он останется в этой квартире, если он продолжит сидеть у стены и слушать её дыхание, — он сойдёт с ума. Или хуже. Он растворится. Как Ольга. Как все они.

Он посмотрел на Лиру. Она сидела на подоконнике. Смотрела на него. И в её глазах — он готов был поклясться — была улыбка. Та самая. Одними губами.

— Ты знала, — сказал он. — Ты знала, что они напишут. Ты знала, что мы поедem.

Лира не ответила. Она просто смотрела. Долго. Как будто говорила: «А ты как думал?»

Оформление оказалось адским бюрократическим квестом.

Владимир провёл четыре дня, бегая по ветеринарным клиникам и государственным учреждениям. Анализы крови. Прививка от бешенства. Чипирование. Каждый шаг — новая бумажка, новая печать, новая подпись. Каждый шаг — новое подтверждение того, что Лира существует. Что она — его. Что она — реальна.

Лира терпела все манипуляции с холодным достоинством королевы. Она не вырывалась, не шипела, не царапалась. Она просто смотрела на ветеринара тем же немигающим взглядом, которым смотрела на город. Как будто знала, что это нужно. Как будто знала, что это — часть пути. Как будто знала, что впереди — что-то большее.

Ветеринар — женщина с добрыми глазами и золотыми серёжками — удивлённо покачала головой, вводя микрочип под лопатку.

— Какая спокойная. Обычно они в истерике. Орут, кусаются, не даются. А она... смотрит. Как будто всё понимает. Такое впечатление, что она вообще не чувствует иглы.

— Она многое понимает, — сухо ответил Владимир.

Ветеринар посмотрела на неё. Долго. Потом — нахмурилась.

— Странно, — сказала она. — У неё уже был чип.

Владимир замер.

— Что?

— Вот здесь. — Ветеринар показала на экран сканера. — Под лопаткой. Старый чип. Очень старый. Я такие только в учебниках видела. Их сняли с производства лет двадцать назад.

— Этого не может быть, — сказал Владимир. — Она молодая. Ей три года.

— Я знаю, — сказала ветеринар. — Но чип старый. И номер... — Она замолчала. Посмотрела на экран. Потом — на Лиру. — Номер не в базе. Ни в одной. Как будто его никогда не регистрировали. Как будто её никогда не было. Как будто она... не отсюда.

Владимир посмотрел на Лиру. Она смотрела на него. И в её глазах — он готов был поклясться — была улыбка.

— Вы её как называли? — спросила ветеринар. — Лира? Красивое имя. Как в «Тёмных началах»? У Пулмана, помните, у девочки был деймон?

Владимир замер. Он не ожидал, что кто-то из незнакомцев упомянет Пулмана. Но это было не главное. Он вспомнил. Он уже слышал это имя. Раньше. Давно. От кого-то другого. От женщины. С белыми волосами. С зелёными глазами. От Ольги.

— Да, — сказал он. — Я читал это в юности.

— Значит, вы верите, что у каждого есть своя душа-спутник? — улыбнулась ветеринар.

— Нет, — сказал Владимир, беря документы. — Я просто думал, что это красивая метафора.

Но когда они вышли из клиники, он поймал себя на том, что смотрит на Лиру и думает: «А что, если это не метафора?» Он отогнал эту мысль. Но она осталась. Как камешек в ботинке. Как второе сердце. Как визитка в кармане.

Дома его ждала фотография.

Он не доставал её из ящика. Он не открывал книгу. Он не брал её в руки. Но когда он вошёл в кабинет, чтобы выключить мониторы, он увидел её. На столе. Поверх клавиатуры. Лицом вверх.

Он не клал её туда. Он точно помнил: он убрал её в ящик. Утром. Перед уходом. Но она была здесь. Он подошёл. Взял. Посмотрел.

На фотографии было новое. В правом нижнем углу, на бетонной стене, за спинами — трещина. Та самая. Больше. Глубже. Как будто кто-то её расширил. Как будто что-то вылезало из неё. Медленно. Неотвратно.

И ещё одна деталь. На этот раз — не на фотографии. На ней. В самом центре. Поверх лиц Владимира и женщины — отпечаток. Лапы. Кошачьей. Белой.

Владимир опустил фотографию. Посмотрел на Лир. Она сидела в дверном проёме. Смотрела на него. И в её глазах — он готов был поклясться — была улыбка.

— Ты была здесь, — сказал он. — Ты касалась её.

Лира не ответила. Она просто смотрела. Долго. Слишком долго. Потом — отвернулась. И ушла.

Он не спал в ту ночь.

Он сидел на кухне. Смотрел на стену. Слушал. Стена дышала. Медленно. Ровно. Два такта. Два сердца. Он приложил ладонь. Почувствовал тепло. Живое. Ждущее.

— Кто ты? — прошептал он.

Стена выдохнула.

И тогда он услышал.

Голос. Женский. Знакомый. Тот самый. С визитки. С телефона. Из стены. Как будто говорила сама тишина.

«Ты уезжаешь. Хорошо. Там ты вспомнишь больше. Там границы тоньше. Там она сможет говорить с тобой без стен».

— Кто она? — спросил он.

«Ты знаешь. Ты всегда знал. Просто боялся поверить».

— Ольга?

Пауза. Долгая. Как будто голос выбирал слова. Как будто голос решал, стоит ли говорить.

«Ольга — часть. Лира — часть. Я — часть. Мы все — одно. Ты разделил нас. Своими ритуалами. Своей тишиной. Своим страхом. Но ты не можешь разделить то, что было целым. Рано или поздно — оно вернётся. Всё. Сразу».

Владимир закрыл глаза. Прислонился спиной к стене. Почувствовал дыхание. Тепло. Жизнь.

— Что будет, когда оно вернётся?

«Ты узнаешь. Скоро. Очень скоро».

Стена затихла.

Через десять дней они стояли в аэропорту.

Владимир с двумя чемоданами и огромной переноской, в которой сидела Лира. Она не издала ни звука, пока он проходил регистрацию, сдавал документы и проходил через рамки металлоискателя. Владимир чувствовал себя так, будто везёт с собой секретный груз. Будто везёт что-то, что не должно быть найдено. Что-то, что не должно быть увидено.

На паспортном контроле офицер посмотрел на него. Потом на переноску.

— Кошка?

— Да. Все документы в порядке.

Офицер кивнул. Взял документы. Посмотрел. Нахмурился.

— Странно, — сказал он. — В системе не отображается второе лицо. Только вы.

Владимир замер.

— Как не отображается? Я указал её. В билете. В документах.

— Я вижу отметку, — сказал офицер. — Но данных нет. Как будто никто не вносил её. Как будто её нет. Как будто она... пустая.

Он посмотрел на переноску. На Лиру. Она смотрела на него. Прямо. В глаза. Не мигая. Как будто знала. Как будто ждала. Как будто хотела, чтобы он увидел.

Офицер поёжился. Отвёл взгляд.

— Проходите, — сказал он быстро. — Хорошего полёта.

Владимир взял документы. Пошёл к выходу. И почувствовал — спиной, затылком, кожей — что офицер смотрит ему вслед. Долго. Настороженно. Как будто видел что-то. Что-то, чего не должно быть. Что-то, что он не мог объяснить.

Он не обернулся. Он шёл по коридору к выходу на посадку. Стекланные стены, серый свет, гул голосов. Люди спешили, тянули чемоданы, говорили по телефону. Обычный аэропорт. Обычная жизнь. Но что-то было не так. Что-то, что он не мог назвать. Что-то, что он чувствовал — всем телом. Всей кожей. Как приближение грозы.

Он остановился у панорамного окна. За стеклом — лётное поле. Серый бетон, жёлтые огни, самолёты. И дальше — город. Москва. Мокрая, серая, тяжёлая. Та самая, которую он знал всю жизнь. Он смотрел на неё долго. Как будто прощался. Как будто знал, что вернётся другим. Как будто знал, что вернётся — не собой.

В переноске Лира пошевелилась. Впервые за всё утро. Он посмотрел вниз. Она смотрела не на город. Она смотрела вверх. На небо. Туда, где облака сходились в серую, плотную пелену. Он посмотрел туда же. И увидел.

В облаках — на секунду, на одну только секунду — проступил силуэт. Женщина. В белом. С распущенными волосами. Она смотрела вниз. На него. Как будто ждала. Как будто знала. Как будто хотела, чтобы он увидел.

Он моргнул. Облака сомкнулись. Силуэт исчез. Объявили посадку.

Глава 8. Чрево авиалайнера

Они сели в самолёт последними.

Владимир заплатил за дополнительное место, чтобы переноска стояла рядом с ним, а не в багажном отсеке. Стюардесса — молодая, с усталыми глазами — посмотрела на него с лёгким неодобрением. Но когда Владимир предъявил документы, она молча кивнула и помогла закрепить переноску на соседнем кресле. Ремень она затягивала осторожно. Как будто боялась прикоснуться к переноске. Как будто чувствовала — внутри что-то есть. Что-то, чего не должно быть.

Она ушла. Владимир сел. Пристегнулся. Посмотрел в переноску. В темноте он видел два светящихся зелёных круга. Неподвижно устремлённых на него. Лира не спала. Она ждала. Как всегда.

Двадцать часов в пути.

Шум двигателей — низкий, непрерывный гул, который въедался в кости. Неестественно свежий воздух салона. Плач детей, которые не могли уснуть. Глуховатый голос пилота. Владимир пытался читать. Танит Ли лежала у него на коленях — та самая книга, с потрёпанным переплётом, которую он не открывал с тех пор, как нашёл в ней фотографию. Но слова расплывались. Как будто их размыло. Как будто они были написаны на стекле, за которым шёл дождь. Он слушал. Не двигатели. Не детей. Людей. Всех. Каждого. В салоне было двести человек. И каждый — он чувствовал — что-то нёс. Своё одиночество. Свою тишину. Свою стену.

Женщина в кресле впереди — плакала. Тихо. В подушку. Её муж спал рядом, не замечая. Молодой человек у окна — смотрел в иллюминатор и не видел ничего. Он ждал звонка, который не придёт. Старик в хвосте салона — держал в руках фотографию. Старую. Чёрно-белую. Как та, что лежала в его ящике. Владимир видел их. Не глазами. Кожей. Как видел женщину в белом. Как видел стену.

Он закрыл глаза. Попытался отключиться. Не получилось.

Через шесть часов он задремал. Он проснулся от того, что самолёт тряхнуло. За окном была тьма — они летели над океаном. Он посмотрел на переноску. Лира сидела в той же позе, что и несколько часов назад. Она не сдвинулась ни на миллиметр. Но что-то изменилось. Он чувствовал это. Кожей. Костями. Сердцем. Как будто что-то приближалось. Как будто граница между мирами — та самая, о которой говорил голос, — становилась тоньше. Прямо сейчас.

Он посмотрел в иллюминатор. Внизу — тьма. Но в этой тьме — он видел — мерцали огоньки. Не звёзды. Не огни городов. Что-то другое. Он присмотрелся. Огоньки двигались. Медленно. Ритмично. Как дыхание. Как стена. Как он сам. Владимир отшатнулся от иллюминатора. Посмотрел на Лиру. Она смотрела на него. И в её глазах — он готов был поклясться — была улыбка. Шире, чем раньше. Глубже. Древнее.

— Что это? — прошептал он.

Лира не ответила. Она просто смотрела. Долго. Как будто говорила: «Скоро узнаешь. Скоро всё узнаешь».

Он больше не спал. Остаток полёта он просидел с открытыми глазами. Слушал. Гул. Дыхание. Стену. Стены не было. Но он слышал её. Как слышал дома. Как слышал у Артёма. Как слышал везде. Где-то в глубине самолёта что-то шевельнулось. Не в багажном отсеке. Не в вентиляции. В металле. В обшивке. В самом теле самолёта. Как будто что-то проснулось. Как будто что-то знало, что он летит. Куда. Зачем. Он прижал ладонь к стене салона. Пластик.

Холодный. Обычный. Но под ладонью — он чувствовал — билось. Медленно. Второе сердце. Третье. Четвёртое. Он убрал руку.

Когда самолёт начал снижение, Владимир почувствовал, как начало закладывать уши. Он посмотрел в иллюминатор. Внизу, сквозь разрывы облаков, проступали изумрудные пятна — коралловые рифы, окружённые водой. Океан был таким синим, что казался тёмным. Но у самого берега, там, где начиналась лагуна, вода загоралась бирюзой. И тогда он увидел. В лагуне. Прямо в центре бирюзового пятна. Что-то белое. Маленькое. Точка. Фигура. Женщина. В белом. Стоит на воде. Смотрит вверх. На самолёт. На него. Владимир прижался к стеклу. Она не исчезла. Она стояла. И улыбалась. Той самой улыбкой. Одними губами. Самолёт наклонился. В иллюминаторе мелькнуло крыло. Когда он снова посмотрел вниз — лагуна была пустой. Лира моргнула. Один раз. Медленно.

— Ты видела? — прошептал он.

Лира не ответила. Но он знал. Она видела. Она всегда видела.

Удар влажной, густой жары — как мягкой, но тяжёлой подушки — едва они вышли из кондиционированного чрева лайнера. Владимир сделал шаг по трапу, и его лёгкие сжались. Воздух был насыщен запахами: сладковатая гниль растительности, соль, цветы с удушающим ароматом — белые, огромные, как тарелки, — едкий дымок от какого-то моторного топлива. Звуки — крики невидимых птиц, гул моторных лодок, далёкая ритмичная музыка. Всё было другим. Всё было не так. Но что-то было знакомым. Что-то, чего он не мог назвать. Как будто он уже был здесь. Как будто он ждал этого. Как будто он знал это место — давно. В другой жизни. В той, которую он забыл.

Он посмотрел на Лиру. Она выскользнула из переноски — как только они оказались в здании аэропорта — как призрак. На мгновение замерла на кафельном полу. Её ноздри расширились — она вбирала в себя новые запахи. Её шерсть, которая дома была просто белой, здесь казалась фосфоресцирующей. Как будто она светилась. Как будто она была здесь дома. Как будто она вернулась.

Лира повернула голову. Осмотрела здание аэропорта. Потом посмотрела на Владимира. И в её взгляде было что-то новое — не настороженность, а скорее любопытство. Как будто она ожидала этого воздуха. Этой жары. Этих запахов. Как будто она знала, что они придут.

— Ну что, хозяйка, — сказал Владимир. — Добро пожаловать на Матаиву.

Лира не ответила. Она просто смотрела. Долго. Как будто говорила: «Это ты думаешь, что мы приехали. А мы вернулись».

Такси — открытая машина с плетёными сиденьями — везло их по узкой дороге вдоль побережья. Ветер бил в лицо, тёплый и влажный, как выдох огромного зверя. Пальмы наклонялись над дорогой, создавая тенистые арки. За пальмами — океан. Неспokoйный, мощный, с волнами, которые разбивались о коралловые гряды. Водитель — мужчина лет пятидесяти, с седыми висками — молчал. Он не смотрел на Владимира. Он смотрел на Лиру. Долго. Пристально. Как будто узнавал.

— Красивая кошка, — сказал он наконец. Голос был низким. Хриплым. С акцентом.

— Да, — сказал Владимир.

— Белая. — Водитель помолчал. — У нас на острове белые кошки — редкость. Говорят, они приходят только к тем, кто что-то потерял.

Владимир замер.

— Что потерял?

Водитель пожал плечами. Не ответил. Посмотрел на дорогу. Но Владимир видел — он хотел сказать больше. Но боялся. Или не мог. Или не имел права.

Ли́ра сидела у Влади́мира на коленях, положив голову на его руку. Но не расслабляясь. Она не смотрела на океан — она сканировала его. Её глаза двигались, как объективы: каждая птица, каждая тень, каждое движение в зарослях. Водитель больше не говорил. Но Влади́мир чувствовал — он смотрит. Через зеркало. На Ли́ру. И крестится. Тихо. Незаметно. Как будто защищается. Как будто молится.

Вилла была архитектурным чудом из дерева, стекла и белого камня. Она стояла на сваях прямо над водой, с огромной верандой, с которой открывался вид на лагуну. Внизу, в прозрачной воде, мелькали разноцветные рыбки. Внутри — прохладный воздух и запах дерева, тёплый, смолистый. Как будто кто-то ждал их здесь. Как будто кто-то готовил это место — для них.

Влади́мир поставил чемоданы на пол. Открыл дверь на веранду. Ли́ра прошла мимо него. Выскользнула на деревянный настил. Замерла у перил. Она подошла к самому краю, где деревянный пол обрывался, и заглянула вниз, в воду.

— Не прыгай, — автоматически сказал Влади́мир. — Там тебя съедят.

Она даже не повернула голову. Её хвост плавно раскачивался из стороны в сторону, кончик подрагивал. Он видел, как напряжены её мышцы под шелковистой шкурой. Как будто она готовилась к прыжку. Как будто она знала, что там, внизу. Как будто она ждала.

И тогда он увидел.

На перилах. Там, где Ли́ра стояла. Отпечаток. Лапы. Кошачьей. Белой. Такой же, как на фотографии. Такой же, как на подоконнике. Влади́мир подошёл ближе. Присмотрелся. Отпечаток был старым. Выцветшим. Как будто оставлен давно. Много лет назад. Как будто кто-то был здесь до них. Кто-то, кого он знал. Кто-то, кого он забыл. Он посмотрел на Ли́ру. Она смотрела на него. И в её глазах — он готов был поклясться — была улыбка.

— Ты уже была здесь, — прошептал он.

Ли́ра не ответила. Она просто смотрела. Долго. Как будто говорила: «Да. И ты тоже. Просто забыл».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.